

Итак, рецензируемым 6-м выпуском настоящего словаря закончена буква В; впрочем, полностью использовать весь богатый сравнительный славянский материал на эту начальную букву, заключенный в выпусках 2—6, мы все еще не можем, пока не вышел обещанный алфавитный индекс слов к В (как известно, отыскивание нужного слова в этом словаре без вспомогательного алфавитного указателя крайне затруднительно, оно неизбежно сводится к сплошному просматриванию практически всего соответствующего словарного раздела, построенного на гнездовых, апофонических и других более частных и случайных принципах, из которых, увы, ни один не способен заменить удобного алфавитного расположения материала).

Оглядываясь на всю серию из пяти выпусков, вышедших практически в течение целого десятилетия (2-й выпуск словаря вышел в 1964 году) и посвященных одной упомянутой букве В, нельзя не отметить внушительности масштабов этого лексикографического предприятия. Спрашивается, сколько же времени потребуется составителям, чтобы, работая в таком же темпе (заметим, что рецензируемый 6-й выпуск вышел в свет через три года после выпуска 5-го), вобрать в свой словарь все необозримое море славянской лексики. Предполагая, что читателям «Этимологии» известна общая оценка, данная этому словарю в наших рецензиях на предыдущие выпуски*, мы считаем себя вправе обойтись без соответствующих повторений. Сказанное в прежних рецензиях во всем существенном приложимо и к новому выпуску 6-му. Перейдем поэтому к конкретным замечаниям, которые явились результатом чтения этого последнего выпуска.

На первой же странице (379) авторы, говоря о группе бесспорных относительно поздних культурных слов, куда входит заимствования вроде русск. *бокál*, польск. *bokal*, *bukał*, сербохорв. *бѹкал*, *бѹкара*, *бѹкара*, высказывают сомнительную мысль о возможности исконного происхождения сербохорватских форм от слав. **buk-/bok-*. Едва ли удачно объяснение русск. *добблѣй* (вариант к *дебелѣй*) как новообразования из *до боли*, якобы в смысле 'очень', ср. *ббльно* (стр. 383). Как бы то ни было, очень спорной выглядит протоболгарская этимология старославянского слова *сръдѣболѣ* 'родич, родственник', которое будто бы вторично сблизилось со слав. *сръдѣце* и *болѣти* и восходит к тюрк. *ič-irgu-bojla 'дворцовый, приближенный быля' (стр. 385). Мотивировка такого преобразования слишком сложна и маловероятна, особенно ввиду наличия древнеболгарского *чръгоубыла* того же происхождения, которое прекрасно сохранилось без преобразования. Очень противоречиво судят авторы о словах ст.-слав. *боларинѣ*, русск. *боарин* и др. (стр. 384 и сл.). Отделяя форму *боарин* от *боарин*, они вместе с тем лаконично указывают для первой из них источник в протоболгарском (тюркском) *bojla*, которое, как известно, получило у славян вид *была*; сознавая недостаточность этого объяснения, Садник и Айтцетмюллер говорят о тюркской форме множественного числа на *-lar*, которая, строго говоря, для *bojla* не засвидетельствована и выглядела бы, кроме того, как *bojla-lar. Нам остается, далее, принимать на веру утверждения, что тюрк. *-oj-*, субституированное в слав. *была* с помощью «наиболее близкого *ь*», отразилось практически там же и в ту же эпоху протоболгарских влияний как слав. *-o-* с передачей *-j-* последующему *-l-* как мягкой артикуляции в *боларинѣ*. Русск. *боарин* и близкие формы авторы решительно отделяют и производят из тюрк. *bajar* 'знатный человек', впрочем

* Из них последнюю (со ссылками на предшествующие) см.: «Этимология. 1970». М., 1972, стр. 373—374.

тут же вынуждены констатировать тождество сербохорв. *bđjār* = *bđljār*, болг. *бојрин* = *бољрин* (стр. 386).

Сомнительно сближение сербохорв. *опдравити се* 'оправиться, отдохнуть' и *забравити* 'забыть' на основе предполагаемой замены *b > p* (стр. 387). Трудно согласиться с этимологической трактовкой блр. *брудзь* 'пушок на бороде', укр. *бруд* то же, др.-русск. *бруди* мн. 'бакенбарды', которые относятся авторами к семейству ст.-слав. *брада*, русск. *борода* и т. д. «по значению», а затем, несколькими строками ниже, признаются «*etymologisch undurchsichtig*» (стр. 393).

Из отпечаток укажу следующие: *Patinaca* (стр. 395), надо *Pustinaca*; *Pokorný* (стр. 399), точнее *Pokornu*; там же — *Ekkert*, следовало бы писать *Eskert*; польск. *broj* (стр. 407), надо *broj*; болг. *убдала* (стр. 463), надо *будала*; *G. Dorfer* (стр. 475, 2-ая строка сверху), надо *Doerfer*, ср. там же, ниже.

Все-таки трудно признать нормальной практику, при которой словарная статья сравнительного словаря славянских языков начинается, скажем, с венг. *boszorkányu* (стр. 426) или с нем. *Brust* (стр. 444), или с тюрк. *burun* (стр. 472). Заглавным словом статьи такого словаря по логике вещей должно быть славянское слово.

Встречаются в словаре и небрежные или прямолинейные формулировки вроде следующей: «Исключительно большое почитание, которым пчела пользуется у славян, а особенно у южных славян, а также ее роль в народных верованиях и словесности не получает отражения (*manifestiert sich nicht*) в образовании слов» (стр. 482). Спрашивается, можно ли вообще ожидать именно от образования слов, от словообразования адекватного отражения таких категорий как значимость соответствующей реалии в жизни, верованиях, литературе? Вспомним хотя бы одно то обстоятельство, что рука об руку с культом, почитанием может идти речевой запрет, сковывающий не только словопроизводную деятельность, но способный даже предать забвению старые обозначения.

О. Н. Трубачев

Chr. S. Stang.

Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen.

Oslo—Bergen—Tromsø, 1972, (96 стр.)

Литература по проблеме балто-славяно-германских языковых отношений пополнялась новым исследованием Х. Станга. Книга уже получила отклик в нашей научной периодике (ср. напр. недавнюю рецензию А. Сабалюскаса в журнале «Вопросы языкознания»).

Автор обращается к теме, предварительно кратко охарактеризовав очерки отношений названных языковых групп у А. Мейе, Т. Лер-Сплавинского, В. Георгиева, Ф. Шерера, Э. Георгиева и некоторых других. Свою задачу автор видел в том, чтобы собрать наиболее надежный материал по проблеме (стр. 7). Результатом явился своеобразный словарь (стр. 13—66), охватывающий 188 случаев балто-славяно-германской лексической общности, т. е. больше, чем в свое время было известно Траутману, в словаре которого насчитывается 168 таких случаев. В книге Станга содержится также анализ материала в семантическом и некоторых фонетических и словообразовательных аспектах. Есть и «Попытка некоторых выводов» (стр. 79—82), помогаю-